
ГЕННАДИЙ ГУСЕВ

“...А Я БЫЛ НЕ ПРАВ...”

Десять лет тому назад, ближе к концу дня, в мой кабинет в “Нашем современнике” впервые вошёл Пётр Васильевич Палиевский. Не вошёл – влетел: глаза горят, рукопожатие нервное, вместо “здравствуй” – вопрос с ходу: – Скажи, это правда, что Филимоныч признал своё поражение?

*П. В. Палиевский – уже многие годы заместитель директора Института мировой литературы, один из безусловных (если не абсолютных!) авторитетов отечественного литературоведения. Специалистам ничего не надо о нём рассказывать. Палиевского знают, читают и перечитывают, уважают – и удивляются (а то и злятся): почему, обладая таким талантищем, он на протяжении многих лет изящно **уклонялся** от участия в острых либерально-патриотических и русско-еврейских “разборках”, коими насыщено было тридцатилетие, минувшее со времени приснопамятной дискуссии “Классика и мы”. В самом деле – почему?*

Палиевский уселся на стул, снял шапку и, продолжая сверлить меня огненным взором, продолжил:

– Ты даже не представляешь, старик, как это важно для нас, для русского движения! Историческое признание! И кто? Сам Шауро! Ты должен, ты обязан об этом написать. Подробно и точно!

Я-то сразу понял, что Петра столь взволновала только что напечатанная в журнале глава из куняевской книги “Поэзия. Судьба. Россия”, где автор коротко воспроизвёл мой рассказ о беседе с бывшим зав. отделом культуры ЦК КПСС, состоявшейся недавно в одном из залов Третьяковской галереи. “Историческое признание!” Ничего себе...

...С той поры, как я уже сказал, минуло целых десять лет. Канули в прошлое “лихие девяностые”, упокоился на Новодевичьем кладбище проклятый Богом и людьми беловежский злодей, погубитель великой советской державы. Ушёл из жизни и В. Ф. Шауро, один из должителей бывшей верхушки разгромленной КПСС. Ушёл, немного не дотянув до своего 95-летия. Теперь можно более подробно рассказать и о той памятной встрече в Третьяковке, и о самом моём собеседнике.

Долго, долго я молчал... Все эти годы удерживало меня, отводило перо от чистого листа бумаги какое-то неясное смущение. Не “номенклатурный” страх, нет, – прошлое давным-давно быльём поросло; и даже не боязнь ненароком исказить, перетолковать по-своему происшедшее. В нынешнюю эпоху безудержного, хвастливого воспоминательства кого это волнует или останавливает? Бывшие “пешки” изо всех сил, перевирая и перетасовывая события и факты, так и норовят проскочить, протиснуться в разряд значительных исторических фигур. Как сказал наш великий поэт: “Мы почитаем всех нулями, а единицами себя...”

Меня удерживало, скорее всего, искреннее, стойкое, чуточку даже мистическое уважение к Шефу (так мы называли его в отделе). Внутренний голос долго нашёптывал: погоди, не время, он жив, как бы не обидеть его ненароком, по-своему истолковав то “историческое признание”.

Вообще, в известной русской притче об особо снисходительном отношении живых к ушедшим (“или хорошо, или ничего...”), при всей её спорности и нарушаемости, сокрыта глубинно православная, добрая идея прощения и благодарности. Правда, тут речь всё-таки о простых смертных (кому удалось без грехов прожить?), а не о выродках, на чью могилу плюнуть с презрением – и то благо. А живых, родных, чтимых и достойных уважения беречь надо, равно как и память о них. Пожалуй, в этом-то и заключалось моё многолетнее “неясное смущенье”...

...Когда волею судеб и начальства я в самом конце шестидесятих годов был утверждён в должности инструктора отдела культуры ЦК, Василий Филимонович через пару-тройку дней мимоходом заглянул в кабинет молодого сотрудника. Я вскочил со стула. “Сидите, сидите!” – запротестовал Шеф и, подойдя к окну, восхищённо произнёс: “Какой вид, а? Пол-Кремля как на ладони! Дарю идею, товарищ Гусев: почему бы вам не взимать с каждого посетителя за такой вид... ну, хотя бы пятиалтынный?” И чуть хрипловато засмеялся.

Сколько потом было таких внезапных его визитов и бесед наедине! То пожурит меня, что сижу за бумагами после 18.00, когда рабочий день уже закончился: “Это верный признак того, что вы до сих пор не научились разумно и строго распоряжаться своим временем. Старайтесь, старайтесь, у вас должно получиться”. Или вдруг вспомнит, как незадолго до войны, на учебных сборах, при заходе на посадку самолёт из-за ошибки пилота зацепил крылом какой-то сарай и развалился, разбросав и покалечив “десантуру”. С тех давних пор Шеф жестоко страдал сильными болями в позвоночнике. Мы знали об этом – и не верили: его прямой и твёрдой походке могли бы позавидовать молодцы из роты почётного караула! Вообще, он был необычайно сдержан, суров, “застёгнут на все пуговицы”. Его уважали и побаивались даже самые-самые независимые и отчаянные из творческих работников любых рангов и заслуг. В его присутствии говоруны умолкали, критиканы робели, подхалимы замирали в благоговении... Честное слово, это была Личность!

...Итак, 1997 год, начало ноября, двор знаменитой Третьяковки. Шефу исполнилось 85 лет, и мы, его бывшие подчинённые, а точнее – соратники по отделу, собрались в промозглый, стылый, неприятный вечер у памятника В. М. Третьякову и ждём юбиляра. Это придумал Валя Родионов, директор всемирно известной Галереи, тоже “птенец гнезда Шаурова” (бывший инструктор сектора изоискусства): показать нам обновлённую экспозицию Третьяковки, ну а потом... с устатку... обмен впечатлениями и добрые поздравления несгибаемому Шефу.

Так всё и пошло-покатилось, как было задумано. Сперва ахи и охи, как давно не виделись, как все состарились, как больно, как жаль, что “иных уж нет”, как сказал поэт... А вот и сам подходит, как всегда, вовремя, прямой и собранный. Он, насколько помню, никогда не опаздывал, сам терпеть не мог опозданий и никого не “мариновал” в приёмной, а уж в самом крайнем случае, ежели разговор с предыдущим визитёром затягивался, звонил из кабинета секретарше (её звали Галина, по фамилии Брежнева), и она, лучезарно улыбаясь, передавала очередному посетителю искренние извинения Василия Филимоновича. А вскорости дверь кабинета открывалась, и Шеф молчаливым взмахом руки приглашал ожидающего к себе. И, что важно, всё это неукоснительно соблюдалось независимо от рангов, званий и авторитета посетителей. Ну, конечно, если позвонит и попросит зайти Суслов... или, тем паче, Леонид Ильич, или потом, в иные времена, Михаил Сергеич...

– Извините, ради Бога, если сможете, подождите, мы непременно продолжим разговор.

Он был образцом аппаратной культуры. ШКОЛА, одним словом...

Вот и тогда – минута в минуту! Мы все радостно приветствовали “позднего юбиляра” и тут же проследовали в светлые залы великого хранилища русской красоты, недавно открытого, наконец, снова для всеобщего восхищённого обозрения. Столько лет длилась реставрация его помещений, строительство

финнами депозитария, “начинка” всех залов новейшими системами охранной сигнализации, пожарной безопасности – казалось, этому “долгоремонту” конца не будет, и люди нашего, довоенного поколения уже не успеют дожить до его финала. Многие, увы, и не успели...

А вот мы, осколки некогда всемогущего властного центра, разлетевшегося вдребезги под ударами объединённых ненавистью к коммунизму и России вражьих сил, всё-таки дожили, выдюжили, вытерпели – и снова, хоть не надолго, вместе, да ещё по такому славному случаю!

Проходим, тихо переговариваясь и понимающе кивая друг другу, один зал за другим. Экскурсоводы нам не нужны: здесь всё родное, сердечно близкое, многократно виденное – но волшебство, чародейство высокого искусства в том и состоит, что к нему нельзя привыкнуть, как к домашним тапочкам. Всякий раз, погружаясь в него, как в святой источник, душа твоя восторженно замирает от совершенно нового, ранее не испытанного чувства восторга, и вихрем взвиваются в тебе полузабытые знания, образы, события, юные мечты... Ей-Богу, чтобы омолодить душу, чтобы прикинуть сердцем к родной земле, вновь и вновь восхититься её великими сынами – нет лучшего способа, чем прийти в Третьяковку! Отсюда, кстати, становится прямее и короче дорога к храму Православия.

...Мы остановились чуть передохнуть перед дверьми, ведущими в зал В. М. Васнецова. Василий Филимонович обернулся, нашёл глазами меня и поманил к себе пальцем. Он и раньше часто так делал, сопровождая сей не шибко вежливый жест чуть заметной поощрительной улыбкой. Мои бывшие коллеги расступились, пропуская меня к Шефу. “Пальчиком поманил, и мальчик послушно побежал”, – обидно подумалось мне; но, право, сегодня не тот случай, чтобы затевать нелепую разборку (дескать, не те времена и т. п.). Я подошёл к нему.

– Товарищ Гусев, – снова, как и десятки лет назад, “по-сталински” обратился он ко мне. – Мне необходимо с вами переговорить. С глазу на глаз. Вы не возражаете?

Ого! Интересно! Да уж, конечно, возражать не буду. Я согласно кивнул.

– А вы, товарищи, извините, мы ненадолго покинем вас, совсем ненадолго!

Все дружно зашумели: да-да, мы подождём, разумеется! А сами наверняка думали: что бы это значило?

Шеф открыл двери. В огромном зале никого не было; прямо напротив нас несли свою бессменную вахту “Три богатыря”, слева безутешно плакала Алёнушка, справа – нёсся на сером волке Иван-Царевич. “Здесь русский дух, здесь Русью пахнет!” Знать, не случайно выбрал Шауро именно этот зал для нашего разговора...

Тут необходимо снова возвратиться в прошлое. С самого начала моей работы в отделе культуры закрепились за мной репутация человека, склонного к “русофильству”. Ещё бы! В друзьях-товарищах у меня ещё со времён работы в “Молодой гвардии” – чуть ли не весь секретариат Союза писателей России: Михаил Алексеев, Иван Стаднюк, Михаил Годенко, да ещё Володя Чивилихин, Миша Шевченко, Володя Фирсов и другие известные бойцы так называемой “русской партии” в советской литературе. Об этой “партии”, естественно, говорилось только изустно, осторожно, в отдельных “междусобойчиках” да в беседах с коллегами-единомышленниками. При начальстве – ни-ни; однако тихая вода берега роет не менее основательно, чем бурные весенние потоки. “Русский вопрос” постоянно возникал в противовес напористому “интернационализму” с его казённым набором идеологических клише: царская Россия – тюрьма народов, православие и патриархальщина – реакционные пережитки прошлого, мешающие созиданию нового мира... И уж совсем ретроградно выглядели наши мечты о пробуждении и подъёме русского национального самосознания. Почти крамола! Шовинизмом пахнет!

Нескрываемые симпатии к “русской партии” и определили мой своеобразный статус в отделе. Для кого-то (за стенами ЦК) – “свой среди чужих”; для многих из общения повседневного – “чужой среди своих”. Это заёмное сравнение, как и любое другое, явно прихрамывает, но всё же своеобразие моего положения тогда (на протяжении почти 9 лет!) передаёт вполне точно. А однажды я взял и брякнул (Шефу тут же донесли), что русские, похоже, во-

обще составляют в ЦК “квалифицированное меньшинство”. За такое и вылететь можно было (что, кстати, со временем и произошло). От кураторства Союза писателей РСФСР меня отстранили сразу, но на отдельные заседания его секретариата всё же иногда посылали. Небезынтересно, видно, было знать, как видится атмосфера, обстановка в российском Союзе тёплым, симпатизирующим, не заведомо тенденциозным взглядом, как у новой “кураторши” Союза Нины Павловны Жильцовой. Она почти не скрывала, что терпеть не может “всю эту деревенщину”, а её фальшиво-слащавые патриотические речи в доме на Софийской набережной (там тогда квартировал Российский писательский союз) воспринимались... ну, скажем, кисло-сладко; секретари вежливо молчали, понуриив головы...

— Скажите... — спросил Шауро, испытующе глядя мне в глаза, — вы встречаетесь с товарищами Викуловым и Куняевым? (Он, как и многие не близкие Сергею Васильевичу люди, произносил его фамилию “по-хоккейному”, с ударением на “у”: Викулов — из легендарной “тройки” нападающих давнего, чемпионского советского клуба ЦСКА. — Г. Г.). И тут же, спохватившись, сам себя поправил: — Да, с Куняевым, конечно же... Ведь вы продолжаете трудиться в журнале?

— Да, тружусь уже пятый год — и счастлив! — не задумываясь, ответил я. Куда же гнёт Шеф? Вот всегда он так: нет, чтобы прямо, в лоб, по сути дела — куда там! Сперва надо смутить собеседника, заставить его встревожиться, растеряться...

Однако на этот раз Шауро был краток — ведь нас ожидала, теряясь в догадках, поредевшая “команда”, которую он возглавлял бессменно более двадцати лет...

— Передайте, пожалуйста, товарищам Викулову и Куняеву, — произнёс он строго, почти торжественно, — что в наших давних спорах о России и её судьбе они были правы, а я был не прав...

Я растерянно кивнул головой в знак согласия. Ещё бы, конечно, передам!

— А теперь вернёмся к нашим товарищам и продолжим осмотр, — подытожил Шеф и, повернувшись спиной к “Трёх богатырям”, зашагал, как всегда, строго и без малейшего намёка на старческую согбенность, к плотно притворённым дверям.

“Ну гигант!” — восхищённо подумалось мне. Как мастерски выстроил мизансцену, как расположил декорации, расставил смысловые акценты! Привёл меня в самый русский зал Третьяковки, и васнецовских богатырей пригласил рассудить “извечный спор славян между собою...” А и произнёс-то всего одну фразу, но сколько за ней, сколько...

Василий Филимонович возглавил отдел культуры ЦК в середине 60-х годов, через год после свержения “Никиты”, пережил трёх генсеков и только в 1987 году оставил свой пост — по возрасту. Горбачёв буквально пачками, без особого разбора, отправлял руководящих стариков на пенсию. Благой вроде бы замысел — “омолодить кровь” в застоявшихся кровеносных сосудах партии, особенно в её “мозгах” — увы, реализовался огульно, топорно, как и многое в торопливой и суетной “перестройке”. Во всяком случае, для меня несомненно: скорая замена опытного, осторожного профессионала Шауро на прекрасного человека, талантливого поэта, но совершенно “необстрелянного” в политико-культурных баталиях, каким был пришедший в отдел Юрий Воронов... эта замена явно была неравноценной. Впрочем, вскорости стало ясно, что в кадровой политике новой верхушки ЦК возобладали совсем иные принципы и мотивы, нежели “улучшить”, “усилить” и “углубить”...

Но вернусь опять в прошлое — почти на четыре десятилетия назад. Страна готовилась тогда отметить 100-летие со дня рождения Ленина. Совершенствованием и возвышением “образа вождя” были озабочены все идеологические подразделения партийного генштаба. Старые, сталинские шаблоны и лекала не подходили (впрочем, памятников Ленину тогда понаставили по всей стране видимо-невидимо — и стоячих, и сидячих, и даже “крупноголовых”, как в Улан-Удэ, — зрелище не для слабонервных!). До юбилея оставалось всего ничего, а в “горних сферах” искусства — поэзии, музыке, кино — с художественным воплощением “самого человеческого человека” всё как-то не очень вытанцовывалось, звучало трескуче и необедительно.

Как всегда, рвалась в бой крикливая “уринарная поэзия”, названная так острословами по фамилии поэта Виктора Урина, чьи рифмованные опусы в честь советских праздников и вождей регулярно печатались на страницах “Правды”. Их даже дежурно похваливали — они ведь были “в струю”, но люди со вкусом брезгливо хмыкали, а начальство строго требовало привлечь к углублённой разработке ленинской темы подлинно талантливых авторов. (Замечу в скобках: певец Октября Виктор Урин уже на заре перестройки мигом “перековался”, сменил свою поэтическую “кожу и рожу”, пустился во все тяжкие, проклиная и Октябрь, и Советию, и Ленина, а потом и вовсе отчалил за океан, в Америку, где и сгинул...)

Социально-политический заказ партии был определён ясно и чётко, а дело продвигалось медленно, тускло, коряво. Тогда, в начале 70-х, я твёрдо осознал, что “руководство литературно-художественным процессом”, к чему призван был отдел культуры, — занятие если и не безнадёжное, то уж во всяком случае не административное. Призывами, соблазнами, а уж тем более приказами — ничего не добьёшься!

Именно об этом однажды говорил со мной Шауро, заглянув, как всегда неожиданно, в нашу инструкторскую комнату. И опять я был один.

— Вы знаете, творцы на удивление упрямы, самолюбивы и субъективны, — начал он без предисловий, повернувшись лицом к окну, за которым по-над крышами, совсем близко, сияли кремлёвские звёзды. И, помолчав, продолжил: — Сапоги по заказу тачают ремесленники; а творца надо увлечь, вдохновить, зажечь, убедить — а если он не прав, то переубедить!

Шеф обернулся ко мне, пронзил тяжёлым взглядом своих блёкло-голубых, глубоко посаженных глаз.

— Вы, наверное, уже убедились в этом? — спросил он, явно приглашая меня к разговору. Откровенному или?..

— Относительно заказа вы совершенно правы, — начал я, не замечая, что моя реплика звучит до неприличия “оценочно”. Молодой был, что с меня возьмёшь...

— Нас буквально завалили рукописями “на ленинскую тему”, вы же знаете. И всё, к сожалению, ужасно слабо, крикливо. Вот, пожалуйста, сегодня передали мне поэму — 58 страниц примитивных славословий! И только две строчки заставили меня встать и расхохотаться...

— Что, что? — насторожился Шауро. — Как это так?

— А я сейчас вам прочту, и вы со мной согласитесь; вот эти строчки...

И, набрав в лёгкие побольше воздуха, я с выражением прочёл:

*Два Ильича в одном столетье!
Народам мира крупно повезло...*

Лицо Василия Филимоновича озарилось слабой тенью уккоризненной улыбки. Вроде и осуждающей, и примирительной.

— Я заметил, товарищ Гусев, что вы слишком громко смеётесь и очень быстро ходите по коридорам ЦК... Не мешало бы посдержаннее, поостроже быть, а?

Ага, похоже, ему уже доложили о “двух Ильичах”! Я ими сегодня “угощал” многих, кто мне по пути попадался. Все хохотали, а я, как мальчишка, громче всех. Значит, совсем не случаен этот вечерний “визит” Шефа к не в меру весёлому сотруднику.

— Оставим графоманов в покое, — взмахнув рукой, словно подводя черту, сказал он. — Вот вы лучше скажите, почему столь инертны, тяжелы на подъём в разработке идейно важных для партии тем, к примеру, ваши молодогвардейские друзья-писатели? Оживляются, загораются лишь тогда, когда заходит речь о национальном самосознании, национальном духе, о тысячелетней российской истории... Они идут в будущее, обернувшись лицом назад, в прошлое. Неудобно, да и опасно: так и шею можно свернуть. Смешно и грустно — в эпоху спутников и ЭВМ плакать по избяной Руси с полатями и тараканами! Вы-то, надеюсь, так не думаете?

Я пробормотал что-то уклончивое, невразумительно-согласное. Дескать, в любви не выбирают... и низкое кажется высоким, и серое — ярким... В общем, до сих пор, как вспомню, становится стыдно, что уклонился тогда от спора с Шефом. А ведь в ту пору я уже давно и крепко дружил с “идущими

спиной вперёд” писателями-“молодогвардейцами”. Близок и сладок был мне “русский дух” стихов молодого Володи Фирсова, всей душой разделял я праведный гнев его тезки Чивилихина, обращённый против губителей русской природы и русской отзывчивой, доброй души – против всех этих космополитствующих прогрессистов, так лукаво, так умело выдававших себя за самых верных союзников правящей партии.

И пяти лет не пройдёт после смерти автора “Памяти”, как хулители “патриархальщины” во главе с А. Н. Яковлевым составят костяк безнациональной гвардии либералов-западников – и пойдёт в распыл имперская советская мощь, и торжествующие партийные расстриги и перевёртыши откажут семидесятилетнему “коммунистическому эксперименту” в праве на пребывание в истории России.

Представляю... Нет, скорее нутром чую, как больно, как скорбно было Шауро сознать крушение всего, что ещё вчера казалось несокрушимым. И особенно – как лихо и круто “твердокаменные” интернационалисты обернулись “вдруг” антисоветчиками и антикоммунистами. Именно они первыми прокляли и высмеяли ими самими придуманную “новую историческую общность людей”, о которой мечтал, в которую свято верил Василий Филимонович. Где он, советский народ? “Историческая общность” сгорела в беспощадном пламени национализма, а “первый среди равных” русский народ оказался разделённым, оболганным, униженным, без вины виноватым...

Наверное, пора рассказать подробнее, как сформировалась личность человека, более двадцати лет бессменно “ведавшего” культурой великой страны. Заранее оговорюсь: составление развёрнутого психологического портрета незаурядного партийного босса не входит в задачу данного очерка “с мемуарным уклоном”, да и, честно говоря, просто мне не по зубам – столь необычна, столь насыщена событиями и, наконец, столь длинна была жизнь этого человека.

Родился мальчик по имени Вася 6 ноября 1912 года в белорусском селе Витебской губернии. Утвердившаяся ко времени его возмужания советская власть вырвала его из глухомани, втянула в радостную всеобщую гонку за знаниями, научила жить и работать среди людей и для людей. Самой первой была преподавательская карьера: учитель истории – завуч – директор школы (и это в 25 лет, в 1937 году!). Само собой, два года “оттрубил” в Рабоче-Крестьянской Красной Армии. В 1940-м вступил в ряды ВКП(б).

Дальше происходит почти невероятное, но столь же возможное для способного молодого человека “из низов” в молодой советской стране. Шауро переводят на работу в Москву, и здесь он выдвигается с головокружительной быстротой по партийной линии, становится инструктором, затем заведующим военным сектором Управления пропаганды и агитации ЦК партии.

В 1947 году его возвращают на родину, в разорённую, истерзанную Беларусь. И снова партийно-пропагандистская работа – в Минском, столичном, обкоме. Крепнет его авторитет, приумножается опыт партийно-политической работы. В 1956 году, после XX съезда, Шауро избирают 1-м секретарем Минского обкома, а ещё через 4 года – секретарём ЦК КПБ по идеологии. А в ноябре 1965 года он возглавил отдел культуры ЦК КПСС. И до самой до горбачёвской перестройки...

Могилевский пединститут до войны (я ещё тогда под стол пешком ходил) был для Шауро лишь одной из ступенек к будущим широким познаниям в самых разных сферах культуры. Была, правда, ещё ВПШ – Высшая партшкола в Москве, определившая вектор его партийной карьеры. Но главным, решающим было неустанное, неутомимое самообразование, освоение “для души” богатств мировой и русской классики, выработка высокого и тонкого художественного вкуса. Он был молчалив, замкнут, суховат, и называли его поверхностные люди по-всякому: “железная маска”, “человек-загадка”, “хронометр” (был точен и аккуратен до педантичности!). Но ни разу, ни от кого за всю жизнь я не услышал о нём уничижительного “чиновник”. Наверное, неспроста.

Со временем у меня родилось своё “шауровское” определение: человек-тайна. По сей день, вспоминая его, не могу отделаться от мысли о некоем, почти мистическом сходстве его натуры со сталинской. Нет, разумеется, не о масштабе личности речь, а именно о таинственности, загадочности натуры.

Особенно поражала его способность неожиданно, почти мгновенно вплотную сблизиться с человеком, душевно расположить и даже обворожить его — и столь же резко, одним махом отдалиться, отодвинуться, обдать холодом, “восстановить дистанцию”.

И ещё одно, совсем (почти) несуразное. Мне всегда казалось, что ВФ мог бы отлично сыграть в кино Шерлока Холмса. Ну, не так, конечно, как Ливанов в масленниковском сериале, но всё-таки крепко, убедительно. Ко всему прочему, он так же, как и человек с Бейкер-стрит, обожал музыку. Правда, на скрипке не играл. Но на нервах — бесподобно!

Вполне подошло бы ему, на мой взгляд, и определение “человек-легенда”. Ходили среди нас, его сотрудников, да и в “кругах” творческой интеллигенции, разные, в том числе весьма экзотические байки. Одна из них до сих пор бередит душу, хотя, казалось бы, она целиком опровергается реальными фактами биографии Шефа. Вот ведь: легенды, как и поэзия, — “пресволочнейшая штукавина”. Или же, как любил говорить Гегель, “тем хуже для фактов”?

Впервые мне об этом поведал, если память не изменяет, Игорь Черноуцан, один из ветеранов отдела культуры, большой любитель поговорить — и непременно обнаружить свою причастность к загадкам и каверзам “высшего” властного мира. Мы часто гуляли с ним по утрам в Суворовском парке над Москвою-рекой, и он без усталости выплёскивал на меня одну “кремлёвскую тайну” за другой.

Так открылась мне и якобы скрытая от всех “секретная” сторона жизни Шауро. Оказывается, будто бы ещё в годы Гражданской войны чахлый белорусский пацан Вася чуть ли не в одночасье остался круглым сиротой, и его взяли на воспитание старенькие сердобольные евреи, жившие по соседству. Кругом война, голодуха, ни власти, ни порядка... Приёмные родители обогрели мальчика сердечным теплом, вырастили, выучили и выпустили в большую жизнь. Выучили, помимо прочего, и еврейскому языку, и обычаям — были старики ортодоксальными приверженцами Талмуда. И вот эти детские познания через годы и годы очень пригодились Шефу: почти четверть века он, зав. отделом культуры, отвечал как член ЦК КПСС за поддержание и укрепление братских связей с компартией Израиля. “Товарищ Меир Вильнер — большой, верный друг Советского Союза”, — произнёс однажды на “летучке” отдела Шауро и выдержал торжественную смысловую паузу. Они с генсексом Вильнером действительно были “на дружеской ноге” и встречались без галстуков.

Так легенда — или “фактический факт”, как говаривал шолоховский Давыдов? Среди нас, “русопятов”, людей из круга друзей Михаила Алексева, никто не сомневался, что факт. Очень уж легко, соблазнительно легко объяснялась тогда “израильская составляющая” характера и поведения Шауро, его неприятие малейших проявлений “великорусскости”, излишней любви к “проклятому прошлому” России, его истовая верность ключевому идеологическому тезису о советской культуре, национальной по форме и социалистической по содержанию.

Но ведь доподлинно известно другое: не был мальчик Вася сиротой, не был! И отец его, и особенно мать прожили долгую жизнь и долго радовались, каким умным и большим человеком стал их сыночек. И они, и он уже ушли в мир иной, а легенда всё живёт на правах с правдой...

Особая страница биографии В. Ф. Шауро — его взаимоотношения с журналом “Наш современник”, редактором Викуловым и кругом его авторов. Почти все “витки” ожесточённых споров и цензурных баталий вокруг публикаций “строптивного” русского журнала пришлись как раз на 70-е годы минувшего века, когда я работал на Старой площади под началом Шауро. Там, в этих идейных схватках — корни его позднего, трудного и честного прозрения.

Я уже упоминал, что год за годом каждый понедельник ровно в 9.00 проходило совещание отдела (“планёрка”, “летучка” — названия сути не меняют). За редчайшими исключениями (болезнь, командировки, отпуска) вёл эти совещания сам Шауро. Обычное дело: кратко подводились итоги минувшей недели, определялись ближайшие задачи. И, конечно, заслушивалась информация секторов о примечательных событиях, встречах, новых произведениях, о настроениях среди “творцов” (это слово Шеф явно любил — наверное, чтобы не вязнуть в определениях: поэты, прозаики, театралы, художники и т. д.). Когда он отсутствовал, “планёрки” вела его первый зам. Зоя

Петровна Туманова, или ЗПТ, как мы втихомолку звали её между собой. Потому что точку в любом разговоре ставил Шауро. Туманова в хрущёвские времена была аж членом бюро ЦК по РСФСР – придумал тогда Никита такую уступку “русофилам”: не компартия РСФСР, не надейтесь, но всё-таки... Пришёл Брежнев, бюро это отменил, отодвинул (как и многое другое) “на потом”.

Так вот, на еженедельных летучках чаще других звучало: “Наш современник”. Нет, и за “Новым миром” наблюдали, их тоже, когда надо, урезонивали – мягко, дружески. Интеллигентные ведь люди, интеллектуалы, не то что эта “деревенщина”... “Товарищ Викулов, – укоризненно говорил Шауро, – талантливый человек, уважаемый фронтовик, сумел сплотить вокруг журнала целую группу талантливых творцов. А вот помочь им внести в произведения дух партийности, убедить в неодолимости нового, прогрессивного у него далеко не всегда получается. Более того, он и сам частенько упрямятся в своих идейных заблуждениях, не противится историческому пессимизму и любви к прошлому, которым веет со страниц журнала”.

Говорилось это, повторяю, укоризненно. Но – не только: звучала и тайная нота сожаления, даже некоего сочувствия, но уж никак не разоблачения, на что горазды были “коллеги” из отдела пропаганды. Для тех всё было невыносимо ясно – осудить “патриархальщиков”, “укрепить руководство”, тащить и не пущать! Убеждён: Сергей Васильевич остался на своём посту, несмотря на все лихие нападки цензуры и агитпроповцев, именно благодаря твёрдости Шауро, для которого талант в конечном счёте был выше идеологической правильности. Тонкая материя – художественный вкус. Сплошные эмоции и нюансы! Но пренебреги ими – и останешься один на один со своей никому не нужной “идейной правотой”...

Среди вороха документов, с которым не так давно мне и Сергею Куняеву удалось познакомиться в архивах, особый интерес вызвала у меня схватка С. В. Викулова с М. В. Зимяниным, секретарём ЦК партии, по поводу письма в редакцию “Нашего современника” известного русского писателя Дмитрия Жукова. Викулов, прочитав это письмо, обратился напрямую к Зимянину после того, как в “Литературной газете” в конце 70-х за анонимной подписью “Литератор” была напечатана хлёсткая статейка: “Критика: своеволие и своеобразие”, буквально размазывающая, как сказали бы нынче, работу Д. Жукова “Биография биографии”, полная подлогов и подтасовок.

Письмо Викулова, смелое, жёсткое, достойно того, чтобы его процитировать почти полностью.

Секретарю Центрального Комитета КПСС товарищу Зимянину М. В.

Уважаемый Михаил Васильевич!

В редакцию “Нашего современника” обратился с письмом, полным недомыслия и горечи, писатель Д. А. Жуков...

Рассказывая о том, как работал над биографической книгой о югославском драматурге Нушиче, Д. А. Жуков пишет: “Напомню, что писал я её во второй половине шестидесятых годов. Уже тогда началось массивное наступление авангардистов на классическое наследие, использование этими бесплодными и бесцеремонными людьми замечательных творений прошлого в своих разрушительных целях. Всё им надо было обратить в посмешище – историю любого народа, национальную культуру, искусство, литературу – ради торжества безликой, не имеющей народных корней “массовой культуры”, которая выдавалась за нечто интернациональное... Авангардисты объявили писателя, приспособив его к своим нуждам, представителем театра абсурда – “антидраматургом”, “надреалистом”, наряду с Ионеско и Беккетом...”

Так у Жукова. “Литератор” же приписывает автору статьи буквально следующее: автор “громогласно заявляет, что в советском (разрядка наша) искусстве второй половины 60-х годов будто бы... началось массивное наступление авангардистов на классическое наследие... ради торжества безликой, не имеющей народных корней “массовой культуры”...

Откуда взялось “в советском”, если речь идёт о западных авангардистах?

Чтобы как-то обосновать этот вывод, “Литератор” перетасовывает вышеприведённую цитату Д. А. Жукова (опустив фразу о посмешище, в которое

авангардисты стремятся превратить национальную историю и культуру), вставляет в неё рассказ Д. А. Жукова о впечатлениях от одного давнего спектакля в театре на Таганке (режиссёр Ю. Любимов) и заключает другой частью цитаты об “использовании... замечательных творений прошлого в своих разрушительных целях”.

Несложный механизм этой подтасовки очевиден.

Рассказ писателя об одном конкретном факте, о спектакле на Таганке, послужил основанием для вывода, что Жуков безапелляционно судит в целом о “советской (разрядка “Литератора”) литературе и искусстве”...

Об этом и о других обстоятельствах говорится в письме Д. А. Жукова, присланном в редакцию. Несмотря на то, что справедливость обиды писателя вполне можно понять, редакция не сочла нужным публиковать его письмо, чтобы не делать достоянием широкой гласности недобросовестные, по существу заведомо подложные методы, допускаемые “Литературной газетой”. Однако, по нашему мнению, и молчать о них нельзя. Трудно будет работать в условиях, если подобные методы, противоречащие традициям и нравам нашей советской печати, будут оставаться без внимания и получают как бы негласное оправдание и поддержку...

Поэтому, обращаясь в столь высокую инстанцию и лично к Вам, Михаил Васильевич, редакция надеется, что будут приняты меры, способствующие упрочению здоровой атмосферы в нашей литературной жизни.

Главный редактор журнала “Наш современник” С. Викулов

Ну, а что же Михаил Васильевич? В своей резолюции на викуловском письме, адресованной отделу культуры, он предлагает “поручить ССП (так в тексте. – Г. Г.) СССР разобраться в фактах, относящихся к публикации статьи Д. Жукова в “Нашем современнике” и “Литератора” в “Литературной газете”, учитывая при этом, что письмо Д. Жукова, упоминаемое т. Викуловым, пронизано не только “недоумением и горечью”, но и выпадами, недостойными советского литератора и гражданина”.

Что имел в виду начальник партидеологии, говоря о “недостойных выпадах” – наверное, так и останется неизвестным. Во всяком случае, в приведённой выше цитате из жуковского письма, ей-Богу, невозможно обнаружить каких-либо “недостойностей”. Куда интереснее другое: СП СССР рассмотрел писательские письма, и в своей информации, адресованной ЦК, председатель правления Георгий Марков доложил, что заявителям (и Жукову, и Викулову) “указано на ошибочность положений, содержащихся в их письмах”.

Дело было закрыто. Викулов получал очередную выволочку на самом “верху”, – уж не за то ли, что позволил себе перечить “Литературке” – тогдашней идеологической “священной корове”, усердно защищавшей советскую власть от русских патриотов? А за что, собственно?

Вспоминаю, как на одной из отдельных “планёрок”, незадолго до моего долгожданного ухода из ЦК, Шауро информировал нас об этом инциденте примерно так: “Товарищ Викулов напрасно вступает за своего коллегу и автора Жукова, которому чудится, что в творческой среде, да и в партии, постоянно усиливается чуждое, прозападное влияние лиц нерусской национальности. Они-то якобы и пытаются всячески навязать нам модернистские эстетические пристрастия и дурные вкусы, свойственные буржуазной массовой культуре. Здесь всё у товарища Жукова перевернуто с ног на голову: идейная и духовная враждебность модернизма увязывается только с опасностями для русской культуры, для русских творцов. Что за странный, явно отдающий шовинизмом, подход к советской культуре, национальной лишь по форме? Модернизм космополитичен по своей природе, да – но тогда совсем ни к селу, ни к городу попытки увязать его только с некоей антирусской тенденцией. Модернизм для всех плох – и для русской, и для европейской, вообще для любых национальных культур”.

Шауро выдержал многозначительную паузу, а потом, как бы нехотя, продолжил:

– Помните, не так давно нам пришлось разбираться с письмом поэта Куняева о якобы еврейском засилии в нашей литературе? Товарищи Викулов и Жуков явно подпевают идеологически незрелой, творчески несостоятельной

концепции вражды, несовместимости русского и еврейского начал в нашей культуре и даже – это уж совсем недопустимо! – в культурной политике партии. Тут совсем недалеко и до национальной, и до расовой нетерпимости!

Он чуть не поперхнулся от негодования (что бывало с ним чрезвычайно редко), и в его выцветших серо-голубых глазах вдруг, мне почудилось, сверкнула молния гнева...

Между прочим, о провокационной выходке “Литературки”, которая “вдруг” обрушилась с критикой на книгу Д. Жукова десятилетней давности, Шауро тогда и словечком не обмолвился. Ни словечка – и о любимовской Таганке. Теперь, с высоты прожитых лет, эти умолчания более понятны. Именно в конце 70-х, в эпоху совсем одряхлевшего “звездоносца” Л. И. Брежнева сотоварищи по Политбюро, прозападное лобби из числа расплодившихся в аппарате ЦК консультантов, помощников, референтов, экспертов и т. п. фактически “дожало” руководство партии до полного отказа от национальных традиций в пользу “новой исторической общности людей”. Не пройдёт и десяти лет, как этот очередной идеологический фантом разлетится вдребезги под ударами злобных антирусских “народных фронтов” на всех окраинах советской империи.

* * *

Десять лет прошло с той поры, как ворвался в “Наш современник” взволнованный, обрадованный Палиевский. Как мне кажется, я почти разгадал “третьяковскую” загадку покойного Шауро: он признал себя неправым, потому что его, меломана и киномана, сама жизнь на старости лет “макнула” в зловонную клоаку “интернациональной” подлости и мщения, заставила по-другому взглянуть на Русь и её историю. Честь для него была и осталась выше. Дорогой отступника Яковлева он не пошёл. Не мог пойти.

Ну а как же “историческое признание” – что в нём теперь? Неужели это была просто эмоциональная реплика литературоведа Палиевского?

Как знать... Старый крот истории роет основательно и не так уж неторопливо. Схлынули проклятые девяностые годы – и кто сейчас презрительно хмыкает по поводу “последнего прибежища негодяев”? Разве что полоумная Новодворская. Даже Чубайс, не к ночи будь помянут, нарядился в патриотический сюртук... Признание Шауро исторической и моральной правоты Викулова и Куняева (шире – всей “русской партии”) не означает ли истинный вектор движения патриотически мыслящей русской интеллигенции от более чем вековой традиции поношения России (в том числе и под герценовским лозунгом: “Я ненавижу родину, потому что люблю её”) – к активной, самоотверженной поддержке и защите Отечества, его истории и культуры?